
ТРИПОЛЬЕ ОТ ДНЕСТРА ДО ДНЕПРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V ТЫС. ДО Н.Э.: АГРАРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ, ИНВАЗИИ, МИГРАЦИИ (ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ)

**Михаил Видейко
Наталия Бурдо**

Ключевые слова: Кукутень-Триполье, расписная керамика, керамика «Кукутень С», палеогенетика, миграции.

Уже около ста лет культурно-исторические изменения в Юго-Восточной Европе в конце V тыс. до н.э. привлекают внимание исследователей в связи с проблемой степных миграций, вероятно, оказавших значительное влияние на древнюю историю континента. На границе со степью в те далекие времена располагался восточный форпост цивилизации Древней Европы – культурный комплекс Кукутень-Триполье. Поэтому поиски следов тех событий именно в кукутень-трипольском археологическом материале представляли и будут представлять первостепенный интерес и значение для раскрытия и изучения данной проблематики.

Особое внимание исследователей традиционно привлекали свидетельства проникновения и влияния «степняков» на земледельцев, тогда как собственно история последних служила скорее задним планом для воссоздаваемой исторической картины. Но если десятилетия тому назад это можно было оправдать весьма скромным состоянием источниковедческой базы, то сегодня как объем информации, так и представления о Кукутень-Триполье и его окружении существенно отличаются от времен не только Вира Гордона Чайлда или Марии Гимбутас, но и дискуссий, имевших место в последние полтора-два десятилетия. Этим обстоятельством и вызвана наша попытка рассмотреть на примере ограниченной территории кукутень-трипольской общности – от Поднестровья до Поднепровья – тему перемещений населения и сопутствовавших им явлений во второй половине V тыс. до н.э., в том

числе и то, о чем (и в каких случаях) следует вести речь: аграрной колонизации, инвазиях, миграциях.

Анализ и картографирование находок с поселений трипольской культуры, учет их хронологии, расположения, размеров дает основания для того, чтобы реконструировать различные версии причин и характера подвижности земледельческого населения, а также выдвигать предположения о месте, характере, а также вероятных последствиях его взаимодействия со степным миром в указанный период. При этом следует учитывать возможность, что были различия как в характере процессов, так и в составе их участников между регионами Поднестровья и Поднепровья. В настоящее время появилась возможность соотнести результаты анализа археологического материала с изучением генетики древнего населения, что в сумме может помочь как поиску, так и объяснению некоторых событий древности.

События второй половины V тыс. до н.э., связанные с междуречьем Днестра и Днепра, не раз оказывались в центре дискуссий в связи с реконструируемыми на археологических материалах миграциями населения, в особенности т. н. «степного». Содержанию этих дискуссий и анализу аргументации ее участников впору посвящать отдельные обзоры. Они периодически появляются в связи с написанием работ, затрагивающих различные источниковедческие и интерпретационные аспекты древних миграций (например: Бурдо 2016; Бурдо 2018; Манзура 2000; Manzura 2005; Манзура 2017).

Заметно, что исследователи располагают различным по качеству и количеству материалом. Те, кто изучает культурную общность Куку-

ть-Триполье, располагают внушительными коллекциями керамики, позволяющей выделять локальные группы и типы памятников, проследить их происхождение, связи, вероятные передвижения. При этом у них практически отсутствуют погребения и некрополи, так что этот весьма интересный и важный материал не может участвовать в построениях. У исследователей «степных» культур обратная ситуация: многочисленные, пусть и разнообразные по обряду погребальные памятники с весьма пестрым по типам и принадлежности набором керамики и немногочисленные раскопанные поселения, которые порой сложно связывать с древними некрополями (Бурдо 2005).

Точек соприкосновения не особо много, и они не всегда надежны и однозначны. Это, прежде всего, керамика, но к интерпретации этого материала тоже нет однозначных подходов, как и надежной проверки полученных построений. Изотопные датировки позволили синхронизировать культурные комплексы и памятники, но и тут оказалось достаточно подводных камней в виде резервуарного эффекта и прочих нюансов, способных разрушить наметившиеся цепочки. В последнее десятилетие, однако, появилось связующее (и многообещающее) звено — генетика, полученная как для энеолитических степных памятников, так и для Триполья. Как оказалось, порой она может обнаружить связи, о которых по археологическим материалам можно было только догадываться, а есть такие, где археология бессильна. Но и здесь необходима трезвая оценка всех вариантов, при которых могла получиться та или иная комбинация, характеризующая древние популяции и связи между ними. И тем не менее открывшиеся возможности представляют, на наш взгляд, значительный интерес.

Керамические комплексы и история Кукутень-Триполья в V тыс. до н.э.

На протяжении более двух тысяч лет истории культурного комплекса Кукутень-Триполье можно наблюдать динамичную картину формирования и смену разнообразных локально-хронологических группировок, что нашло выражение в разветвленной его структуре. Одним из факторов, повлиявших на эту структуру, были разного масштаба миграционные процессы.

Уже керамические ансамбли поселений Прекукутень-Триполья А изначально были синкретичными и отличались многообразием технологических, морфологических и стилистических черт, возникших в результате синтеза нескольких керамических традиций.

Появление культуры Кукутень знаменовало собой второй этап трансформации культурного комплекса Кукутень-Триполье, при этом связь его с культурой Прекукутень не вызывает сомнения, однако появление новой керамической традиции в виде расписной керамики не может быть объяснено исключительно развитием технологий предыдущего этапа. Проблема источника технологических, морфологических и стилистических инноваций окончательно не выяснена до сих пор. Очевидно, что трансформация керамического комплекса произошла под сильным влиянием нескольких культур Карпато-Дунайского бассейна и миграционных процессов в этом регионе. С переходом к среднему этапу Кукутень А - Триполье В I культурная однородность памятников Прекукутень - Триполье А сменяется многообразием локальных культурных типов, за которыми стоят определенные социальные структуры, также, по видимому, не остававшиеся неизменными на протяжении этого времени. Рассмотрев детально структуру Кукутень А - Триполье В I можно проследить пути миграций групп населения с конкретными керамическими традициями.

Выявление группировок памятников по сходству их керамических ансамблей позволяет установить структуру культурного комплекса на определенных хронологических этапах, а также предположить источники инноваций в результате миграций и заимствований (Бурдо 2018, 19-29). Ниже мы рассмотрим такие процессы на двух примерах: распространения расписной керамики на этапе Триполье VI - Кукутень А и керамики типа «Кукутень С» для этапа Триполье VI-II - Кукутень АВ.

Локально-хронологические группы Кукутень А - Триполья В I и распространение расписной керамики

Локально-хронологические группы Кукутень А - Триполья В I соответствуют трем фазам: ранняя — Кукутень А1-2 - Триполье VI 1, средняя — Кукутень А3 - Триполье VI 2; поздняя —

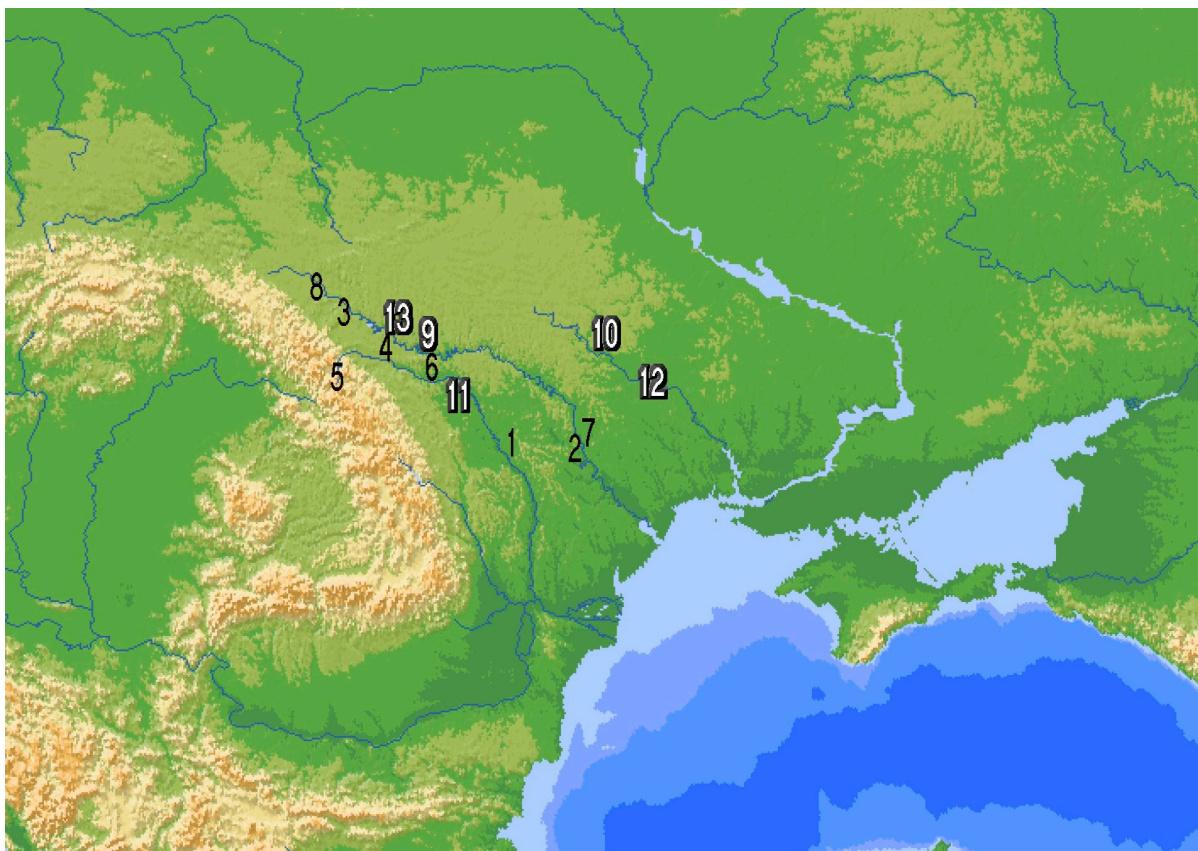

Рис. 1. Карта групп и типов Триполья этапа VI. 1-8 - Типы и группы памятников с прекукутенскими и кукутенскими традициями: 1 - тип Русештий Ной; 2 - тип Жора де Сус; 3 - тип Городница-Городище, 4 - тип Поливанов Яр III; 5 - группа Дрэгушень-Путинешть; 6 - тип Васильевка; 7 - тип Жура; 8 - tip Незвисько. 9-13 - Типы и группы памятников с прекукутенскими традициями: 9 - тип Лука-Врублевцекая; 10 - Борисовская группа, 11 - тип Тэтэрэука Ноуэ III, 12 - Сабатиновский тип, 13 - тип Кормань-Лужок.

Кукутень А 4 - Триполье VI 3. Типы и группы памятников с прекукутенскими и кукутенскими традициями: тип Русештий Ной, тип Жора де Сус, тип Городница-Городище, тип Поливанов Яр III, группа Дрэгушень-Путинешть, тип Васильевка, тип Жура, тип Незвисько. Типы и группы памятников с прекукутенскими традициями: тип Лука-Врублевцекая, Борисовская группа, тип Тэтэрэука Ноуэ III, Сабатиновский тип, Борисовская группа, тип Кормань-Лужок.

Эти группировки не соответствуют территориальным группам, ранее выделенным разными авторами для Триполья VI, так как в локально-хронологические группы должны быть включены только генетически связанные памятники. Среди перечисленных выше групп с преобладанием кукутенских традиций – 8 единиц (2 группы и 6 типов), прекукутенских – 6 (2 группы и 4 типа).

В данном случае в качестве самой заметной культурообразующей инновации выступает комплекс расписной керамики. Следует при этом иметь в виду, что небольшие выборки материала и слабая освещенность в публикациях многих памятников не позволяют настаивать на окончательности выводов о структуре Кукутень А - Триполье VI. Несомненно, схема будет модернизироваться. Пока имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют объединить множество выделенных типов памятников Кукутень А - Триполье VI (10) в локально-хронологические группы без нарушения принципа построения схемы структуры культурного комплекса объединения в группы генетически связанных памятников. Не удастся детально проследить несомненные генетические связи между Прекукутень-Триполье А и многими локально-хронологическими типами и группами Кукутень А 1-2 - Триполье VI 1. Очевидны эти связи толь-

ко для памятников типа Луки-Врублевецкой, которые генетически связаны с памятниками борисовской группы.

И тем не менее некоторые тенденции в распределении памятников разных традиций по территориям вызывает определенный интерес. Так, логично было бы предположить, что к западу от Днестра однозначно должна преобладать кукутенская традиция. Однако тут присутствуют также и памятники типа Тэтэрэука Ноуэ III с прекукутенскими традициями, они же весьма сильно проявляются в типе Русештий Ной. В днестро-бутском междуречье, точнее его западной части, наблюдаем «чересполосное» расположение групп и типов с различными традициями. И лишь бассейн Южного Буга и территория к западу от него остаются «вотчиной» прекукутенских традиций, где лишь наличие немногочисленных импортов расписной керамики напоминает о существовании на западе памятников с традициями Кукутень.

Итак, чем ближе к источнику инноваций, тем больше расписной керамики, чем дальше – ее количество сходит на нет. С другой стороны, чересполосное распространение памятников с разными традициями и разным сочетанием традиций демонстрирует начальные этапы формирования новых группировок земледельческого населения. Эта ситуация чем-то напоминает этап формирования культуры Прекукутень, интегрировавшей, по мнению исследователей, черты нескольких культурных комплексов позднего неолита.

Необходимо подчеркнуть, что анализ керамики памятников Кукутень А - Триполье В I отражает сложную систему культурных группировок. Комбинации керамических традиций, характерные для большинства памятников, отнюдь не могут быть сведены к двум признакам – углубленной и расписной орнаментации, и, соответственно, оппозиции запад-восток, утвердившейся в трипольской историографии. Разнообразие культурных группировок Кукутень А - Триполье В I показывает также несостоятельность упрощенного представления об истории культурного комплекса Кукутень - Триполье в виде многих волн миграции населения с запада на восток. Реальные культурно-исторические процессы были намного сложнее и не сводились к ми-

грациям и взаимодействию «земледельцев и скотоводов». Можно предполагать разные модели развития древнеземледельческого населения в регионе между Карпатами и Днестром (Манзура 2000).

Историческая интерпретация

Появление множества культурных группировок Кукутень А - Триполье В I на месте единой культуры Прекукутень-Триполье А можно рассматривать, как одно из следствий кризиса, вызванного значительным ростом численности населения между Карпатами и Прутом и всесторонне освещенного И.В. Манзурой (Манзура 2000, 274-282).

Объяснение сложившейся мультикультурной ситуации, вероятно, следует искать в закономерностях функционирования родового общества, характерных для земледельческих хозяйственно-культурных типов. Экономическое благополучие и стабильное развитие общества Прекукутень-Триполье А в оптимальных климатических условиях и возможности аграрной колонизации свободных территорий к востоку от Днестра завершились бурным ростом численности населения в западном регионе, который на протяжении всей истории культурного комплекса Триполье-Кукутень выступал центром инноваций и культурогенеза.

Структура родового общества предусматривает надежный механизм реагирования на ситуацию перенаселения – сегментацию родовых коллективов (Шнирельман 1986, 360-361). В результате сегментации общины оформляется новая социальная группа, которая вынуждена переселяться в местности, где она сможет обеспечивать свое существование. Для земледельцев необходимым условием является наличие сельхозугодий. Отделившаяся социальная группа может представлять как коллектив, достаточный для самовоспроизведения и самостоятельного функционирования, так и слишком малолюдный для отдельного существования.

Известно, что для эффективного земледелия экономически оптимальной является модель расселения в небольших поселках. Именно такую модель демонстрирует нам Прекукутень - Триполье А в днестро-днепровском регионе. Недостатком обусловленной ведением земледельческого хозяйства модели расселе-

ния является малочисленность социальных групп, недостаточная для утверждения за собой сельхозугодий и прав на них. Именно этот фактор заставляет объединяться небольшие социальные группы (Шнирельман 1986, 376-377). Реконструкция моделей расселения трипольцев должна учитывать также традиции ритуального циклического сожжения поселков и переселения их на новые места. Вероятно, священные циклы соответствовали периодам сегментации, и отделение новых социальных групп освящалось сакральной традицией.

Таким образом, можно предположить, что разнообразие культурных группировок Кукутень А - Триполье В I отражает интенсивные процессы сегментации родовых коллективов в западном ареале культурного комплекса. Отделившиеся группы обладают набором культурных традиций, в том числе и важных для нас керамических, идентичных или близких родственному социуму. Вероятно, группировки с относительно едиными традициями унаследовали их от социальной группы, от которой они отделились, а также достаточно большим количественным составом стабильно развивались на старой для них территории достаточно продолжительный период на протяжении нескольких археологических хронологических фаз.

Другая модель может быть предложена для разрозненных типов памятников, которым соответствуют небольшие по численности социальные группы, не входящие в более крупные группировки. Особенно изобилует такими группами Поднестровье. Необходимо упомянуть о том, что памятники некоторых культурных типов представлены керамическими ансамблями, сложившимися в результате синтеза нескольких керамических традиций. В таком случае можно предположить, что отделившиеся от них сегментарные группы могут быть представлены керамическими ансамблями а) с уже смешанными традициями, б) унаследовать разные ветви традиций. Сегментарные группы с небольшой численностью населения неизбежно должны были в течение непродолжительного времени объединяться в более крупные социальные единицы. А в результате такого объединения могли появиться либо локально-хронологические группы с достаточно единообразными керамическими ансамблями (что и позволяет объединить их

в группы), либо такие памятники, в которых четко прослеживается сосуществование разных керамических традиций в разных объектах на одном поселении.

Таким образом, есть все основания полагать, что именно сегментация родовых коллективов и объединение сегментарных групп в новые крупные группировки обусловили разнообразие керамических стилей, которое мы наблюдаем. Знаменательно, что разнообразие культурных типов Кукутень А - Триполье В I на Днестре сменяется впоследствии двумя большими и относительно монолитными локально-хронологическими группами – солонченской и залещицкой (Виноградова 1983). Вероятно, появление крупных социальных группировок Кукутень АВ - Триполье В I-В II свидетельствует о выходе кукутенско-трипольских общин из перенаселенного прикарпатского региона на просторы лесостепи между Днестром и Днепром и завершении кризиса, с которым можно связывать трансформацию Прекукутень в Кукутень.

Триполье VI-VII и керамика типа «Кукутень С»

Памятники этапа Триполья VI-VII синхронизируются с периодом Кукутень А-В. На этом этапе трипольские племена занимают обширные территории от Прута до Днепра. В Украине известно около 80 поселений, образующих локально-хронологические группировки. Стратиграфическое залегание слоев Триполья VI-VII зафиксировано для поселений Поливанов Яр II, Бильшивци, Бильче Золоте II.

На основании анализа керамических ансамблей поселений Триполья VI-VII - Кукутень А-В можно выделить следующие 5 локально-хронологических единиц: группы — залещицкую, солонченскую, пенежковско-щербаневскую группы, типы Клищев и Биликивци.

Керамика типа Кукутень С составляет 2,6% в Залещиках, 12% – в Крутобородинах, 5-14% в Поливановом Яре II. Она изготовлена из глины с примесью толченой ракушки, реже крупнозернистого песка, дресвы, мелкого шамота, еще реже встречается растительная примесь. Поверхность сосудов снаружи обработана инструментом, оставляющим параллельные полосы, вертикальные на венчиках горшков, горизонтальные на тулове. По форме выделя-

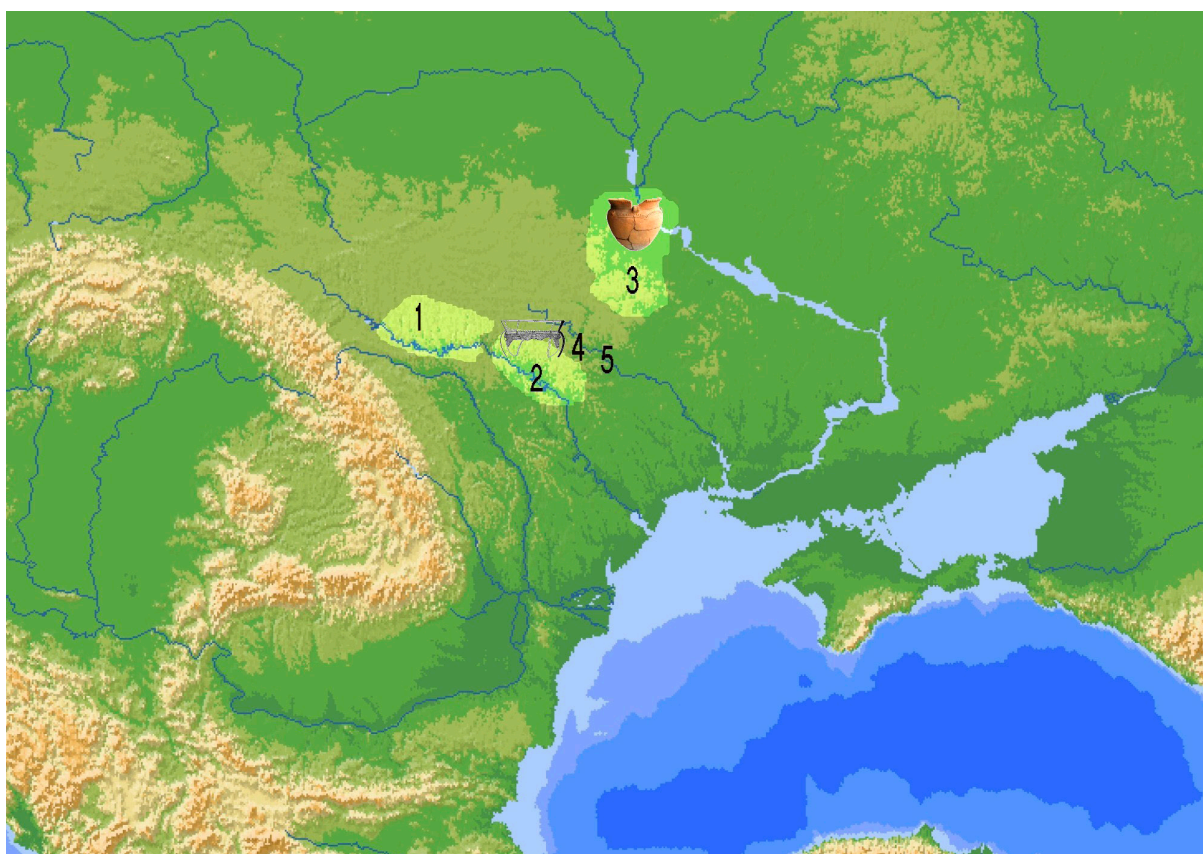

Рис. 2. Карта групп и типов Триполья этапа VI-II. 1 - Залещицкая группа; 2 - солонченская группа; 3 - пенежковско-щербаневская группы; 4 - тип Клишев; 5 - тип Биликивци.

ются два типа – миски и горшки. Декор горшков преимущественно из оттисков мелкозубчатого штампа, нанесен на плечиках, а иногда и по краю венчика. В Поливановом Яре II отмечен горшок с «елочной» горизонтальной композицией (Попова 2003, рис. 77/1). Штампованный декор иногда сопровождают наклепные детали, в том числе «жемчужины» на венчике.

Такие особенности «кухонной» залещицкой керамики типа Кукутень С, как примесь раковины, расчески, композиции из оттисков штампа, расположение декора на краю венчика и на плечиках сосудов связывают ее с керамической традицией стоговой культуры (Котова 2006, 74-116).

В Поливановом Яре II отмечены «кухонные» сосуды, по форме и декору соответствующие традиционной трипольской «кухонной» керамике, но выполненные из массы с примесью толченой раковины (Попова 2003, рис. 52/2). В керамических ансамблях залещицкой груп-

пы встречаются единичные изделия, сочетающие трипольские и стоговые традиции. К таким изделиям относится шлемовидная крышка из Крутобородинцев I (Виноградов 1983, рис. 8/14), фрагмент миски с ручкой из Поливанового Яра II (Попова 2003, рис. 77/7).

В керамическом ансамбле поселения Биликивци III, относящегося к поздней фазе залещицкой группы, немногочисленная группа «кухонной» керамики изготовлена в прекукутенских традициях из массы с примесью шамота. Здесь не прослежено никаких стоговых черт, зато выделены группы керамики, выполненные по традициям малицкой и люблинско-волинской культур (Ткачук, Кочкін, Щодровський 2017, I, 55). В керамических ансамблях поселений залещицкой группы присутствует категория керамики без орнамента, которая также связана с влиянием керамических традиций этих культур.

Солонченская группа (вариант) представлена памятниками, расположенными в юж-

Рис. 3. Образцы керамики типа «Кукутень С» с поселений этапа VI-II трипольской культуры Среднего Поднепровья: 1-4 - Триполье; 5-12 - Коломийцив Яр.

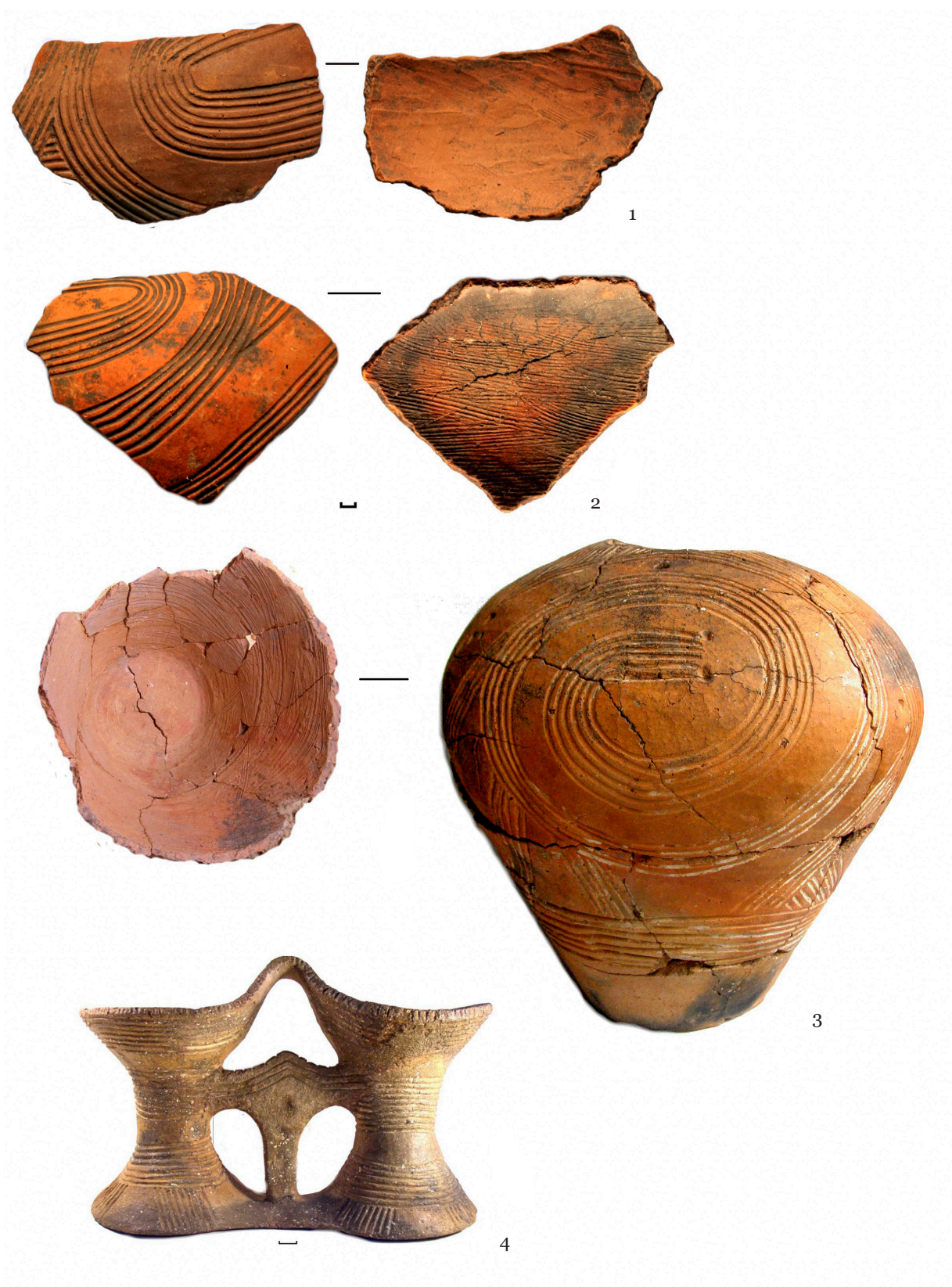

Рис. 4. Образцы трипольской керамики этапа VI-II с поселений Среднего Поднепровья, изготовленные расчесами на внутренней стороне (1-3), а также из глины с примесью толченной раковины (4):
1-3 - Коломийцев Яр; 4 - «культура А», раскопки В. Хвойко.

Рис. 5. Памятники трипольской культуры, упомянутые в связи с событиями этапа VI-II трипольской культуры: 1 - Залещики; 2 - Бильче-Золотое-Сад (рядом с пещерой Вертеба); 3 - Солончены; 4 - Клищев; 5 - Веселий Кут; 6 - Мирополье; 7 - Коломийцив Яр; 8 - Триполье.

ной части Среднего Поднестровья (Виноградова 1983, 42-65). Генетической подосновой ее были памятники финала Триполья VI типа Васильевка, Жура. Ранняя фаза – Солончены II, Старый Орхей, средняя фаза – Флорешты-Заготзерно, поздняя – Старые Радуляны, Флорешть 5 (Заец, Рыжов 1992, 137). Среди «кухонной» керамики сосуды из массы с примесью раковины типа Кукутень С составляют 6%, а выполненные в прекукутенской традиции с примесью шамота – 3%.

Памятники типа Клищев выявлены в Среднем Побужье, синхронны поселениям средней фазы залещицкой и солонченской групп Триполья VI-VII Бучач, Блыщанка (Заец, Рыжов 1992, 65, 139, 157). Глиняная масса керамики типа Кукутень С с примесью песка, толченой ракушки, дресвы, шамота. По форме выделяются миски (усечено-конические, полусферические) и горшки нескольких подтипов. Миски с обеих сторон заглажены или покрыты пальцевыми разводами, но

только с внешней стороны. Орнаментировались по краю венчика рядом округлых вдавлений. Поверхность горшков заглажена или покрыта расчесами. По краю венчика проходят насечки, вдавления, «жемчужины». Плечики украшены рядами вдавлений, наколов, оттисков мелкозубчатого штампа. Углубленными линиями образованы горизонтальные или волютные ленты. Таким же способом исполнялся узор в виде шеврона или зигзага. Образованные поля заполнялись оттисками ногтя, штампа, косыми штрихами, оттиском торца косточки, пальцевыми вдавлениями.

Памятники типа Биликивци расположены в Среднем Побужье (Гусев 2004, 49-50). Генезис не установлен, но есть борисовский компонент, включая памятники с левобережья Днестра в районе Могилева-Подольского. Горшки типа Кукутень С украшались «жемчужинами» по верхнему краю венчика, псевдоручками между венчиком и плечиками и лентами зубчатого штампа на плечиках.

Рис. 6. Ареалы распространения охотников-собирателей западных (WHG) и восточных (EHG), а также связанных с ними земледельческих (FA) археологических культур в Европе по соседству с культурным комплексом Кукутень-Триполье.

Пенежково-щербаневская локально-хронологическая группа локализована в междуречье Южного Буга и Днестра, в Среднем Поднепровье. Несмотря на обширность занимаемой территории, отличается достаточно унифицированным керамическим комплексом. Ее происхождение связано с дальнейшей трансформацией памятников борисовского типа. «Кухонная» керамика типа Кукутень С изготовлена с добавлением раковины в формовочную массу. Наиболее широко представлены горшки, встречаются миски. Горшки по плечикам украшены прочерчено-рельефным декором. Фестоны из тонких линий заполнены отпечатками зубчатого штампа или ямками, в центре композиции размещены рельефные выступы. В некоторых случаях по краю венчика расположен ряд «жемчужин».

В Клищеве керамика типа Кукутень С составляет 14-16%. Наиболее широко распространенная форма – широко открытый горшок с отогнутым венчиком. Поверхность таких сосудов часто имеет следы полосчатого сглаживания,

вертикального по венчику и горизонтального или хаотичного на тулове. Декор из тонких прочерченных линий, штампа и различных ямок, а также пластические детали расположены на плечиках сосудов. По венчику иногда расположен ряд «жемчужин». В Мирополье «кухонная» типа Кукутень С – 16,3%.

В Среднем Поднепровье пенежково-щербаневская группа представлена эпонимным поселением и другими памятниками «культуры А» В.В. Хвойка (Щербаневка, Веремье), а также вновь открытыми поселениями в бассейне р. Красная Долина, Деревьяна, Коломийцев Яр (Відейко, Бурдо 2007). Грушевидный сосуд со спиральным прочерченным декором найден в искусственной земляной пещере на Смородиновском спуске в Киеве. Он маркирует присутствие общин Триполья VI-VII гораздо севернее р. Красной.

В целом керамический комплекс памятников Поднепровья сохраняет тот же облик, однако качество изготовления сосудов и их декор несколько выше, чем в памятниках буго-дне-

провского междуречья. Характерной чертой керамики из Коломийцева Яра является добавка измельченных раковин в массу части сосудов с прочерченным орнаментом, а также обработка их внутренней поверхности инструментом, оставляющим полосы-расчесы, что характерно для керамики типа Кукутень С.

Подводя итоги, можно сделать следующие наблюдения. Керамика типа «Кукутень С» распространена по всему ареалу Триполья к востоку от Днестра. Меньше всего ее на севере, в залещицкой группе. Данных о керамике «типа Кукутень С» залещицкого варианта немного. Колебания количественных показателей достаточно значительны, от 2,6% в Залещиках до 12% в Крутобородинцах I. По данным Н. М. Виноградовой, кроме наиболее распространенной формы – горшка – из массы с примесью раковины изготавливались миски, а в Крутобородинцах I также шлемовидные крышки и кубки (Виноградова 1983, 31, 32, рис. 8/14-18). Заметно ее присутствие в солонченской группе (6%). По мнению Н.С. Котовой, ряд сосудов из Солончен с гребенчатым и накольчато-прочерченным орнаментом довольно близок степным сосудам, отличаясь более приземистыми пропорциями (Котова 2006, 128). Ни в одном другом памятнике Триполья В1-В2 не выявлено столько совпадающих черт трипольской и среднестоговской керамики. В Солончанах мы сталкиваемся с беспрецедентным, уникальным для культурного комплекса Триполье-Кукутень случаем такого близкого сходства технологических, стилистических и отчасти морфологических характеристик одной из групп керамического ансамбля с керамикой типа Средний Стог.

В памятниках Кукутень А-В керамика «типа Кукутень С» представлена относительно небольшим количеством находок, отличающихся разнообразием стилистических признаков. Наиболее распространены сосуды, сохраняющие традиционные технологические, морфологические и стилистические признаки предыдущего этапа и находящие аналогии в керамике среднестоговской культуры. К таким признакам относится орнаментация из лент, обрамленных ямками (Mantu 1998, 309, fig. 47/5, 9), отпечатки гребенчатого штампа, расположенные рядами (Petrescu-Dîmbovița, Văleanu 2004, fig. 227/7). Различные виды штампа, за исключением редко встречаемой в материалах

Триполья В1-В2 - Кукутень А-В «гусенички». Оформление поверхности сосудов и горла «расчесами» становится достаточно распространенным приемом этого периода (Mantu 1998, 309, fig. 47). Перечисленные виды оформления сосудов, находящие аналогии в керамике стоговской культуры, сочетаются на керамике Кукутень А-В с различными рельефными деталями, маленькими выпуклыми налепами – жемчужинами, ручками, а также скульптурными выступами (Petrescu-Dîmbovița, Văleanu 2004, fig. 227/1, 3, 8), которые в дальнейшем получают широкое распространение на сосудах Триполья В 2 - Кукутень В и абсолютно не характерны для стоговских материалов.

При этом количественные показатели керамики типа Кукутень С разнятся не только от поселения к поселению, но иногда и между жилищами в таком памятнике, как Клищев (Заец 1974, 194). На памятниках залещицкого варианта количество керамики с примесью раковины колеблется от 2,6% в Залещиках до 14% в Поливановом Яре II. На памятниках солонченского варианта такой керамики всего 5-6% (Виноградова 1983). В Клищеве в среднем керамика «типа Кукутень С» составляет 26,4% (Заец 2001, 68). На поселениях биликовского типа (Гусев 2003, 310-311) керамика с примесью раковины составляет 13,8%. В последовательно сменяющих друг друга поселениях Триполья В1-В2 Буго-Днепровского междуречья Шкаровка, Веселый Кут, Мирополье приблизительно одинаковое количество керамики с примесью раковины в пределах 14-16% (Цвек 1987, 9-10).

Обращает на себя внимание также разнообразие керамики типа «Кукутень С» (Бурдо 2016). Несмотря на то, что все находки так или иначе сравнивают и находят аналогии в материалах памятников среднестоговского круга, вероятно, есть основания задуматься над тем, что с трипольскими группами имели дело разные группы степного населения. Однако, чтобы окончательно решить этот вопрос, нужны как археологические, так и генетические исследования.

Генетические исследования

Идеальным вариантом было бы генетическое исследование останков представителей культурной общности Кукутень-Триполье. Однако даже отдельные захоронения и находки

человеческих костей при раскопках, которые бы датировались интересующим нас периодом, пока что не изучались. Тем не менее, уже опубликованы результаты исследований, которые могут пролить некоторый свет на интересующий нас вопрос. Исследования эти проведены на материалах трипольских (пещера Вертеба), степных (энеолитические погребения в Северо-Западном Причерноморье), а также по ранним земледельцам Европы (Иванова, Никитин 2012; Иванова, Никитин, Киосак 2018; Nikitin et al. 2017; Matheison et al. 2018). Таким образом, мы уже имеем определенные части картины как для Кукутень-Триполья, так и окружающего мира Старой Европы и ее окрестностей.

Прежде всего, есть, пусть и относительно немногочисленные, данные о генетике степного населения Северного Причерноморья эпохи энеолита. Авторы этих исследований рассуждают о миграциях как степного, так и земледельческого населения в обоих направлениях (Иванова, Никитин 2012; Иванова, Никитин, Киосак 2018; Nikitin et al. 2017; и др.). Что важно, речь идет как раз о том районе, из которого могли иметь место миграции населения в северном направлении – в ареал Кукутень-Триполья, о которых говорят археологи на основании изучения керамики.

Что не менее интересно, генетические исследования позволяют приблизительно оценить не только факт, направление, источники, но и масштабы миграций.

Некоторые исследования в области популяционной генетики дали основания утверждать, что в праистории Европы имели место две «масштабных миграции»: около 6000 г. до н.э. и между 3000–2500 гг. до н.э. (Matheison et al. 2018). Таким образом, в рассматриваемый нами период между 4500–4000 гг. до н.э. подобные масштабные миграции не выявлены.

Относительно этих данных показательными стали исследования материалов трипольской культуры из пещеры Вертеба (Поднестровье, регион Подолье), датированных IV тыс. до н.э. Здесь не только был определен «степной компонент» – а это охотники-собиратели степей Северного Причерноморья, но и дана его количественная оценка – 3% в генетическом наследии. При этом самые высокие показатели

имел индивид, антропологическая характеристика которого соответствовала характеристикам останков из могильников охотников-собирателей Поднепровья (Nikitin et al. 2017). Эти генетические исследования подтверждены также изучением краниологических материалов из Вертебы. Генетические и антропологические исследования также указывают на то, что генетическое наследие охотников-собирателей, живших здесь между 3900–3500 ВС, связано как с мужской, так и женской родословными (Потехіна 2018).

Таким образом, материалы из Вертебы устанавливают тот факт, что в какое-то время, причем до 3900 ВС, в здешнюю «трипольскую» популяцию были включены в небольшом количестве представители как мужского, так и женского населения «степных» регионов. Как этот вывод согласуется с заключениями других генетиков о «масштабной миграции около 6000 г. до н.э.»? С одной стороны само определение «около 6000 г. до н.э.» является достаточно расплывчатым, с другой – следы миграции могут сохраняться весьма долгое время, что и показали исследования материалов из Вертебы. Кроме того, следует, что «масштабная миграция» была направлена не на территорию Подолья (несмотря на благоприятные для развития скотоводства ландшафты), относительно плотно заселенную в те времена земледельцами-трипольцами.

Сопоставление археологических и генетических исследований

Установлено, что между 3900–3500 ВС пещеру Вертеба использовало трипольское население, принадлежавшее к шипинецкой локальной группе. Эту группу традиционно выводят из залешицкой группы этапа VI-II (датируемой второй половиной V тыс. до н.э.), материалы которой обнаружены неподалеку пещеры Вертеба, на поселении Бильче-Золотое Сад, в его нижнем горизонте (верхний представлен шипинецкой группой, к которой отнесены материалы из пещеры). Среди них присутствует «кухонная» керамика, но среди нее нет ни одного фрагмента керамики типа «Кукутень С» (Kadrow 2013, 45), которую как раз традиционно и рассматривают в качестве индикатора «степных влияний» на Кукутень-Триполье.

Таким образом, отсутствие керамики со степными традициями в комплексе более ранне-

го, чем останки из Вертебы, поселения как бы противоречат выводам генетических исследований о присутствии здесь потомков степных охотников-собирателей. То есть перед нами тот случай, когда генетики получили результат, недоступный для археологов. Возможно, к тому времени, когда потомки охотников-собирателей достигли этих мест, среди них не было никого, кто бы соблюдал старинные традиции в изготовлении посуды – или же они вообще не были допущены к этому ремеслу. Так или иначе, а в материальной культуре Вертебы степные традиции отражения не нашли.

Представляет интерес то обстоятельство, что группа охотников-собирателей смогла проникнуть так глубоко (а речь идет о почти двух сотнях километров) на территорию, заселенную трипольцами. При этом, чтобы достичь ареала распространения памятников типа Залещиков, им пришлось преодолеть лежавшие южнее земли ареала солонченской, а также, вероятно, и других групп трипольцев. Тем не менее, им это удалось сделать.

При этом с памятников залещицкой группы известно небольшое количество находок керамики типа «Кукутень С», что не противоречит выводу о том, что это первоначально должна была быть относительно немногочисленная группа населения, которая могла быть быстро ассимилирована более многочисленными «трипольцами». Все эти находки сосредоточены ближе к южной границе распространения залещицкой группы.

То обстоятельство, что на «солонченской» территории находок керамики типа «Кукутень С» с чертами степных прототипов известно намного больше, чем на севере, позволяет предположить, что здесь в трипольские общины могло влиться несколько большее количество представителей охотников-собирателей, чем в Верхнем Поднепровье.

Определенный интерес представляет также факт находки на поселении этапа VI-II Бильче-Золотое Сад керамики, которую С. Кадров соотносит с «инспирацией» со стороны культурного комплекса Коджадермен-Гумельница-Караново VI (Kadrow 2013, 45), что совпадает с направлением, с которого теоретически должны были появиться степные охотники-собиратели. С другой стороны, «восточные» охотники-собиратели, как показали генети-

ческие исследования, оставили существенный след в популяции самих носителей культурного комплекса Коджадермен-Гумельница-Караново VI (Matheison et al. 2018). Таким образом, еще предстоит разобраться, а не попали ли в эту часть ареала Кукутень-Триполья во второй половине V тыс. до н.э. представители сразу нескольких соседних с Трипольем южных групп населения, как охотники-собиратели, так и земледельцы, или же это было присутствие потомков обеих популяций.

Отметим, что те же керамические материалы как из Бильче-Золотого Сад, так и других поселений залещицкой группы Т. Ткачук рассматривает в качестве импортов и/или влияний со стороны культур Малица и люблинско-волынской, то есть с Северо-Запада и Запада (Ткачук 2018, 61-64, рис. 8, 9, 10 и др.). Наличие этой керамики объясняет присутствие в генетическом материале из Вертебы следов популяций западных охотников-собирателей, принявших участие в формировании упомянутых выше культурных комплексов в гораздо большем количестве – около 14% против 3% от восточных (Потехина 2018, 32, рис. 5).

То обстоятельство, что «кухонная» керамика шипинецкой группы из Вертебы весьма отдаленно напоминает древние прототипы времен залещицкой группы (Kadrow 2013, pl. 99-108), вполне коррелирует с значительным (несколько веков) временем, разделяющим эти находки. Мы видим, что за такой срок «наследие предков» не было забыто и все еще служило напоминанием о давно минувших событиях, но существенно изменилось.

В целом генетические исследования косвенно подтвердили давние идеи археологов относительно того, что «кухонная керамика» «типа Кукутень С» (точнее, некоторые изделия) вполне может служить для установления факта миграции «степного» населения. Статистика и распространение находок в свою очередь помогают установить территорию, вероятные масштабы, а датировки комплексов, где сделаны находки, – уточнить время событий. Однако наличие компонента восточных охотников-собирателей может быть объяснено также и передвижением земледельческого населения культурного комплекса Коджадермен-Гумельница-Караново VI, о вероятности чего могут свидетельствовать (по определению

С. Кадрова) находки некоторых керамических изделий. Наличие импортов и подражаний керамике соседних земледельческих культур Тисаполгар, Малица, люблинско-волинской коррелирует с результатами генетических исследований.

С другой стороны, генетические исследования, на наш взгляд, подтвердили выводы, сделанные на археологическом материале, относительно весьма скромных масштабов этих миграций и того, что они не имели характера «инвазий» и не могли привести к предполагаемым катастрофическим последствиям по крайней мере для «мира мирных земледельцев» в исследуемом регионе, как это представлялось ранее. В то же время изменение состава популяции могло найти отражение не столько в материальной культуре, сколько в языке. По крайней мере, такие выводы делают время от времени, интерпретируя результаты генетических исследований – «*massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe*» (Haak et al. 2015).

Насколько широко возможно распространять выводы, сделанные на столь ограниченном количественно и территориально материале? Предварительно можно сказать, что ситуация с керамикой типа «Кукутень С», датируемой IV тыс. до н.э., аналогична рассмотренной выше практически во всем ареале трипольской куль-

туры вплоть до Днестра, независимо от принадлежности к той или иной локальной группе.

Гораздо больший интерес и возможности представляет изучение ситуации с такой керамикой для второй половины V тыс. до н.э. Тут мы находим определенные как локальные, так и количественные различия. Например, в Среднем Поднепровье (поселения Триполье, Коломийцев Яр) найдено довольно много образцов керамики типа «Кукутень С», а также зафиксировано использование примеси раковины и «степных» приемов отделки поверхности при изготовлении типично трипольской посуды.

Вероятно, в будущем перечисленные выше находки можно будет сопоставить с результатами более масштабных генетических исследований как степного, так и трипольского материала по всей территории от Карпат до Днестра. Возможно, тогда также удастся дифференцировать по группам тех же восточных степных охотников-собирателей, установить их связи с конкретными группами трипольского населения. Таким образом, может быть получен интереснейший материал для восстановления картины миграций и их связи с культурно-историческими изменениями в Восточной Европе второй половины V тыс. до н.э. Именно тех миграций, о которых теперь можно говорить не только на основании изучения археологических материалов.

Бібліографія

- Бурдо 2005:** Н.Б. Бурдо, Трипільське населення і оточуючі племена. Моделі взаємодії. В: (Ред. Л.Л. Залізняк) Кам'яна доба України, 7 (Київ: «Шлях» 2005), 177-185.
- Бурдо 2016:** Н.Б. Бурдо, Керамика «типа Кукутень С» в керамических ансамблях культурного комплекса Кукутень-Триполье. *Tyragetia s.n.* X/1, 2016, 7-38.
- Бурдо 2018:** Н.Б. Бурдо, Структура и социальные модели Кукутень А - Триполье В I. *Stratum plus* 2, 2018, 17-34.
- Видейко, Бурдо 2007:** М.Ю. Видейко, Н.Б. Бурдо, Рятувальні дослідження в ур. Коломійців Яр між сс. Копачів та Перше Травня Обухівського р-ну Київської обл. В: (Ред. Н.О. Гаврилюк) Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр. (Київ 2007), 110-114.
- Виноградова 1983:** Н.М. Виноградова, Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры (Кишинев: Штиинца 1983).
- Заец 1974:** И.И. Заец, Трипольское поселение Клищев на Южном Буге (В I - В II). *СА* 4, 1974, 180-200.
- Заец 2001:** И.И. Заец, Трипільська культура на Поділлі (Вінниця: Тезис 2001).
- Заец, Рыжов 1992:** И.И. Заец, С.Н. Рыжов, Поселение трипольской культуры Клищев на Южном Буге (Киев 1992).
- Иванова, Никитин 2012:** С.В. Иванова, А.Г. Никитин, Популяционная динамика степных культур энеолита и ранней бронзы с точки зрения археогенетики. *Stratum plus* 2, 2012, 31-42.
- Иванова, Никитин, Киосак 2018:** С.В. Иванова, А.Г. Никитин, Д.В. Киосак, Маятниковые миграции в Циркум-Понтийской степи и Центральной Европе в эпоху палеометалла и проблема генезиса ямной культуры. В: (Ред. П.П. Толочко) Археологія і давня історія України, 1 (26) (Київ 2018), 101-146.

- Котова 2006:** Н.С. Котова, Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья (Луганск 2006).
- Манзура 2000:** И.В. Манзура, Владеющие скипетрами. *Stratum plus* 2, 2000, 237-295.
- Манзура 2017:** И.В. Манзура, Восточная Европа на заре курганной традиции. В: (Ред. Л.Б. Вишняцкий) *Ex Ungue Leonem: Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна* (Санкт-Петербург: Нестор-История 2017), 107-129.
- Попова 2003:** Т.А. Попова, Многослойное поселение Поливанов Яр. К эволюции трипольской культуры в Среднем Поднестровье (Санкт-Петербург: МАЭ РАН 2003).
- Потехіна 2018:** І.Д. Потехіна, Походження трипільців із печери Вертеба у світлі краніології і археогенетики. *Магістеріум* 70. Археологічні студії, 2018, 25-33.
- Ткачук 2018:** Т.М. Ткачук, Контакти енеолітичних культур та їх локальних груп на територіях Прикарпаття, Західного Поділля і Волині. *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині* 22, 2018, 54-90.
- Ткачук, Кочкін, Щодровський 2017:** Т. Ткачук, І. Кочкін, Р. Щодровський, Багатошарове поселення Більшівці (ур. Кути) на Верхньому Подністров'ї, тт. I-II (Галич - Івано-Франківськ: «Просвіта» 2017).
- Цвек 1987:** Е.В. Цвек, Трипольская культура междуречья Южною Буга и Днепра: (средний этап). Автореф. дис... канд. ист. наук (Киев 1987).
- Шнирельман 1986:** В.А. Шнирельман, Первобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов, собирателей. В: (Отв. ред. Ю.В. Бромлей) *История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины* (Москва: «Наука» 1986), 236-426.
- Haak et al. 2015:** W. Haak, I. Lazaridis, N. Patterson, N. Rohland, S. Mallick, B. Llamas, Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. *Nature* 522, 2015, 207-211.
- Kadrow 2013:** S. Kadrow, Description of "cooking" ceramics of the Tripolye culture. In: (Ed. S. Kadrow) *Bilcze Złote. Materials of the Tripolye Culture from the Werteba and the Ograd sites. Biblioteka Muzeum Archologicznego w Krakowie*, tom V, 45-48, tab.99-111 (Krakow 2013), 136-250.
- Mantu 1998:** C.-M. Mantu, *Cultura Cucuteni. Evoluție, cronologie, legături* (Piatra-Neamț 1998).
- Manzura 2005:** I. Manzura, Steps to the Steppe: or, how the North Pontic region was colonised. *Oxford Journal of Archaeology* 24(4), 2005, 313-338.
- Mathieson et al. 2018:** I. Mathieson, S. Alpaslan-Roodenberg., C. Posth, A. Szécsényi-Nagy, N. Rohland et al., The genomic history of southeastern Europe. *Nature*, 2018; DOI: 10.1038/nature25778
- Nikitin et al. 2017a:** A.G. Nikitin, S. Ivanova, D. Kiosak, J. Badgerow, J. Pashnick, Subdivisions of haplogroups U and C encompass mitochondrial DNA lineages of Eneolithic - Early Bronze Age Kurgan populations of western North Pontic steppe. *Journal of Human Genetics* 62, 2017, 605-613. DOI: 10.1038/jhg.2017.12
- Nikitin et al. 2017b:** A.G. Nikitin, I. Potekhina, N. Rohland, S. Mallick, D. Reich, M. Lillie, Mitochondrial DNA analysis of eneolithic trypillians from Ukraine reveals neolithic farming genetic roots. *PLoS ONE* 12(2): 0172952. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0172952>
- Petrescu-Dîmbovița, Văleni 2004:** M. Petrescu-Dîmbovița, M.-C. Valenu, *Cucuteni-Cetățuie*. Monografie arheologică (Piatra-Neamț 2004).

Tripolie de la Nistru până la Nipru în a doua jumătate a mil. V a. Chr.: colonizarea agrară, invaziile, migrațiile (posibilități de cercetare)

Cuvinte-cheie: Cucuteni-Tripolie, ceramică pictată, ceramică „Cucuteni C”, paleogenetică, migrații.

Rezumat: Schimbările care aveau loc în arealul de răspândire a complexului cultural Cucuteni-Tripolie pot fi abordate atât prin aplicarea metodelor tradiționale de studiere a complexelor ceramice, cât și prin utilizarea datelor oferite de științele naturale, inclusiv de paleogenetică. Pentru perioada de răspândire a ceramicii pictate și de formare a complexului cultural Cucuteni-Tripolie, reconstrucțiile sunt efectuate doar prin prisma interpretării rezultatelor studierii ceramicii, care au demonstrat atât avansarea, cât și formarea unor grupuri culturale noi de diferite niveluri. În cel de-al doilea caz, evenimentele din ultimul pătrar al mileniului V a. Chr. au fost analizate, apoi verificate atât din perspectiva studierii complexelor ceramice, inclusiv a ceramicii de tipul „Cucuteni C”, cât și a paleogeneticii și antropologiei. Compararea rezultatelor a relevat posibilitățile verificării reciproce, precum și oportunitățile istoriografice unice ale diferitor metode, care au un efect maxim în cazul unei abordări interdisciplinare. În consecință, s-a reușit a compara eficient rezultatele cercetărilor genetice, care au demonstrat pătrunderea în mediul agricultorilor tripolienii a reprezentanților populațiilor de vânători-colectorii apuseni și răsăriteni, parțial legați cu alte grupuri de populație agricolă, observate în unele cazuri după materialele arheologice.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Harta grupurilor și tipurilor din etapa Tripolie BI. 1-8 - Tipurile și grupurile de situri cu tradiții precucutene și cucutene: 1 - tipul Ruseștii Noi; 2 - tipul Jora de Sus; 3 - tipul Gorodnița-Gorodiște; 4 - tipul Polivanov Yar III; 5 - grupul Drăgușeni-Putinești; 6 - tipul Vasilievka; 7 - tipul Jura; 8 - tipul Nezvisko. 9-13 - Tipuri și grupuri de situri cu tradiții precucutene: 9 - tipul Luca-Vrublevetskaia; 10 - grupul Borisov; 11 - tipul Tătărauca Nouă III; 12 - tipul Sabatinovka; 13 - tipul Kormani-Luzhok.

Fig. 2. Harta grupurilor și tipurilor din etapa Tripolie BI-II. 1 - grupul Zaleščik; 2 - grupul Soloncenii; 3 - grupul Penežkov-Šerbanevka; 4 - tipul Kliščev; 5 - tipul Bilikivtsi.

Fig. 3. Mostre de ceramică de tipul „Cucuteni C” din așezările etapei BI-II a culturii tripoliene de pe Niprul Mijlociu: 1-4 - Tripolie; 5-12 - Kolomyitsiv Yar.

Fig. 4. Mostre de ceramică tripoliană din etapa BI-II din așezările de pe Niprul Mijlociu, decorată pe partea interioară (1-3), precum și modelată din argilă cu amestec de scoică pisată (4): 1-3 - Kolomyitsiv Yar; 4 - „cultura A”, săpăturile lui V. Hvoyka.

Fig. 5. Situri amintite în legătură cu evenimentele din etapa BI-II a culturii tripoliene: 1 - Zaleščik; 3 - Bilče-Zolotoe-Sad (lângă peștera Verteba); 3 - Soloncenii; 4 - Kliščev; 5 - Veseli Kut; 6 - Miropolie; 7 - Kolomyitsiv Yar; 8 - Tripolie.

Fig. 6. Arealurile de răspândire a vânătorilor-colectorii din culturile arheologice apusene (WHG) și răsăritene (EHG), precum și cele agricole, conexe cu acestea (FA), în Europa, în vecinătate cu complexul cultural Cucuteni-Tripolie.

Trypillia from Dniester to Dnieper in the second half of the 5th mil. BC: farming colonization, invasions, migrations (possibilities of investigations)

Keywords: Cucuteni-Trypillia, painted pottery, Cucuteni C pottery, paleogenetics, migrations.

Abstract: Changes, that have occurred in the area of distribution of the cultural complex Cucuteni-Trypillia can be considered using traditional methods for studying of pottery assemblages, of course, taking into account data from the natural sciences, including paleogenetics. For the period of the spreading of the painted pottery and formation of Cucuteni-Trypillia, reconstructions were carried out before only taking into account the interpretation of the results of ceramic studies, which showed both the progress and the formation of some new cultural groups of various levels. In the second case, the events of the last quarter of 5th mil. BC were examined and then verified using both the study of pottery assemblages, including pottery of the «Cucuteni C» type, paleogenetics and anthropology. A comparison of the results showed the possibilities of mutual verification, as well as the unique source-study capabilities of various methods that give the greatest effect with an interdisciplinary approach. As a result, it was possible to successfully compare the results of genetic studies that showed the penetration into the communities of Trypillia farmers some amount of representatives of populations related to western and eastern hunter-gatherers, partially connected with other groups of the farming population, indicated in some cases by archaeological materials.

List of illustrations:

Fig. 1. Map of Trypillia BI groups and types. 1-8 - Types and groups with the Precucuteni and Cucuteni traditions: 1 - type Ruseștii Noi; 2 - type Jora de Sus; 3 - type Horodnytsa-Gorodysche; 4 - type Polyvaniv Yar III, 5 - group Drăgușeni-Putinești, 6 - type Vasylivka; 7 - type Jura, 8 - type Nezvisko. 9-13 - Types and groups with the Precucuteni traditions: 9 - type Luka-Vrublevetska; 10 - Borysivka group; 11 - type Tătărauca Nouă III, 12 - Sabatynivka type, 13 - type Korman-Luzhok.

Fig. 2. Map of Trypillia BI groups and types: 1 - Zaleschyky group; 2 - Soloncheny group; 3 - Peniozhkovo-Scherbanivka group; 4 - Klischiv type; 5 - Bilykivtsi type.

Fig. 3. Samples of “Cucuteni C” pottery from Middle Dnieper region: 1-4 - Trypillia; 5-12 - Kolomyitsiv Yar.

Fig. 4. Samples of pottery from Middle Dnieper region with “steppe type” modelling of surface (1-3) and shells in clay (4). 1-3 - Kolomyitsiv Yar; 4 - “culture A” by V. Khvoika

Fig. 5. Trypillia sites mentioned in relation to situation during Trypillia BI-II stage: 1 - Zalishyky; 2 - Bilche-Zolote Sad (near Verteba Cave); 3 - Soloncheny; 4 - Klischiv; 5 - Veselyj Kut; 6 - Myropillia; 7 - Kolomyitsiv Yar; 8 - Trypillia.

Fig. 6. Distribution of cultures connected with the Western (WHG) and Eastern (EHG) hunters-gathers and connected with them farmers (FA) around Trypillia culture area.

29.02.2020

Д-р хаб. Михаил Видейко, Киевский университет имени Бориса Гринченко, ул. Маршала Тимошенко 13Б, Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0002-8708-0749>, e-mail: my.videiko@kubg.edu.ua

Д-р Наталья Бурдо, Институт археологии, Национальная Академия наук Украины, проспект Героев Сталинграда, 12, 04210 Киев, Украина, <https://orcid.org/0000-0003-4873-5092>, e-mail: nbburdo@gmail.com